

ТЕСЕЙ И РОМУЛ

ТЕСЕЙ

I. УЧЕНЫЕ в области географии обозначают неизвестные им земли на самом краю карты, делая иногда надписи, что за ними — «безводные, кишашие зверями песчаные пустыни», или «непроходимые болота», или «холодная Скифия», не то «Ледовитое море». Так и я, покончив при составлении своих «Сравнительных жизнеописаний» с той эпохой, относительно которой имеются достоверные сведения, основанные на исторических изысканиях, вполне мог бы, Сосий Сенецион, сказать о более отдаленных временах, что «раньше их — страна чудес и вымыслов, раздолье для поэтов и мифографов; здесь нет ни действительности, ни правды. Однако, издав биографии законодателя Ликурга и царя Нумы, я счел не лишним вернуться к древней эпохе Ромула, ко времени деятельности которого я приблизился в своих исторических изысканиях. Когда я, выражаясь словами Эсхила, думал:

С подобным мужем выйдет кто на бой?

Кого послать мне? Кто сравнится силой с ним? —

я решил за лучшее сопоставить, сравнить основателя блестящих, знаменитых Афин с отцом непобедимого, прославленного Рима. Я желал бы, чтобы мое произведение, очищенное разумом от сказочного вымысла, при-

няло характер истории; но там, где вымысел упорно борется со здравым смыслом, не хочет слиться с истиной, я рассчитываю на снисходительность читателей, которые не отнесутся сурово к преданиям далекой старины...

II. МЕЖДУ Тесеем и Ромулом много общего — происхождение обоих темно, поэтому они считаются потомками богов:

Оба славнейшие воины: в том убедились все мы.

Вместе с тем физическую силу они соединяли с умом. Один из них основал Рим, другой создал Афины — знаменитейшие города в мире; оба похищали женщин; ни один не избежал несчастья в собственном доме и ненависти родственников, кроме того, оба они рассорились, говорят, перед смертью со своими согражданами, если только правдой в их жизни считать то, что всего менее носит на себе поэтическую окраску.

III. СО СТОРОНЫ отца, Тесей — потомок Эрехтея, первых туземных царей, по женской линии — Пелопа. Пелоп сделался сильнейшим из пелопоннесских царей благодаря как своему богатству, так и своим детям: он выдал многих из своих дочерей за самых уважаемых граждан, из сыновей же многих поставил царями в различных городах. Один из них, дед Тесея, Питфей, основал небольшой город Трезену. Он считался образованнейшим и умнейшим из всех своих современников. Тогда мудрость выражалась, вероятно, в том, представителем чего, идеалом, служит Гесиод, снискавший себе громкую известность своими «Трудами и днями», сборником нравственных изречений. Одно из них:

Другу всегда обеспечена будь договорная плата, —

он заимствовал, по рассказам, у Питфея. Так по крайней мере говорит и философ Аристотель. Какого мнения были о Питфее, видно из Еврипида, который называет Ипполита «питомцем благочестивого Питфея». Бездетный Эгей получил, говорят, от спрошенной им пифии извест-

ный оракул, где ему запрещалось иметь сношения с женщинами до своего приезда в Афины. Прорицание казалось ему не вполне ясным, вследствие чего он отправился в Трезену и рассказал Питфею об оракуле, где говорилось:

Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий,
Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских.

Питфей, очевидно, понял смысл слов оракула и с помощью убеждения или же обмана только заставил Эгея вступить в связь с Этрой. Разделив с ней любовь, последний узнал, что имел сношение с дочерью Питфея. Заметив ее беременность, он оставил свой меч и сандалии, скрыв их под большим камнем, имевшим углубление, достаточное для того, чтобы скрыть положенное туда; признался одной своей жене, приказав ей, когда родившийся у него сын достигнет совершеннолетия и будет в состоянии приподнять камень и взять то, что положено под ним, послать его с этим к отцу, но так, чтобы об этом никто не знал, с сохранением глубочайшей тайны, — он сильно боялся Паллантидов, своих врагов, пятидесяти сыновей Палланта, относившихся к нему с презрением за его бездетность, — и уехал.

IV. У ЭТРЫ родился сын, который немедленно получил имя Тесея, быть может по рассказам, потому что для него были «положены» под камнем знаки его происхождения или же потому, что Эгей впоследствии «усыновил» его в Афинах. Он воспитывался у Питфея; наставником и воспитателем его был Коннид, которому афиняне до сих пор еще приносят в жертву барана за день до праздника в честь Тесея. Они помнят о нем и чтут его несравненно с большим правом, нежели чтут Силаниона или Паррасия, рисовавших портреты Тесея и делавших его бюсты.

V. В ТО ВРЕМЯ существовал еще обычай — тем из мальчиков, которые достигли совершеннолетия, отправляться в Дельфы и посвящать свои волосы богу. Тесей пошел в Дельфы. Одно место, находящееся здесь и до сих пор еще известное под именем «тесей», получило, говорят, свое имя от него. Он остриг волосы только спереди, по примеру гомеровских абантов. Подобного рода стрижка называется

в честь его «тесевой». Обычай стричь волосы именно таким образом завели абанты, но заимствовали его не от арабов, как думают некоторые, и следовали в данном случае немисийцам — они были воинственным народом, сражавшимся лицом к лицу, умевшим превосходно драться с врагом врукопашную, о чем говорит Архилох:

То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостопная грянет работа,
В бое подобном они опытни боле всего, —
Мужи — владыки Эвбеи, копейшики славные...

Таким образом, они стриглись для того, чтобы не давать неприятелю возможности схватывать их за волосы. Без сомнения, об этом знал и Александр Македонский, приказавший, говорят, своим полководцам сбрить македонянам бороды, за которые их можно было очень легко схватить в сражении.

VI. ЭТРА долго скрывала от Тесея его настоящее происхождение. Питфей распустил слух, будто она родила его от Посейдона: Посейдон пользуется у трезенцев особенным почитанием. Этот бог считается покровителем их города; они посвящают ему начатки плодов. На их монетах находится изображение трезубца.

Мальчиком Тесей отличался телесной силой, храбростью и умом, соединенным с сообразительностью, поэтому Этра подвела его однажды к камню, рассказала ему об его истинном происхождении и велела взять отцовские знаки и ехать морем в Афины. Он приподнял камень и легко сдвинул его с места, но плыть морем отказался, хотя дорога была безопасней и хотя его просили об этом дед и мать: идти в Афины сухим путем было опасно, так как не было ни одного спокойного места, где не грозила бы опасность со стороны разбойников и убийц. В то время люди имели сильные руки, быстрые ноги и крепкое тело и не знали усталости, но свои природные дары не употребляли ни на что честное и полезное, напротив, они гордились своею не знавшею меры

наглостью; их сила находила себе применение в кровожадности и жестокости — в том, что они брали, обижали и уничтожали *все* попадавшееся им по дороге. По их мнению, люди восторгались чувствами стыда, справедливости, беспристрастия и человечности потому, что боялись обижать сами и опасались обиды со стороны обиженного. Сильным, по их убеждению, не следовало думать ни о чем подобном. Геракл во время своих странствований убил, уничтожил одних из них, другие же в страхе скрылись при его приближении, бежали и были презираемы в своем унижении. Но когда Геракла постигло несчастье и он, убив Ифита, удалился в Лидию, где долго служил в качестве раба у Омфалы, добровольно наложив на себя наказание за совершенное им убийство, — в то время одна Лидия наслаждалась глубоким миром и безопасностью, Греция же снова стала местом преступлений, которые дали знать о себе, не встречая ни с чьей стороны отпора или сопротивления. Вот почему дорога сухим путем из Пелопоннеса в Афины была небезопасна. Питфей, описывая Тесею каждого из разбойников и рассказывая, как он поступает с чужестранцами, убеждал его ехать морем. Но Тесея, вероятно, давно воспламеняла слава подвигов Геракла. Он благоговел перед ним и с жадностью слушал рассказы о нем, в особенности тех, кто его видел, и был свидетелем его поступков, и слышал, что он говорил. Ясно, в то время Тесей находился совершенно в таком же настроении, в каком много позже находился Фемистокл, сказавший, что «лавры Мильтиада не дают ему спать». Точно так же и Тесей, завидуя подвигам Геракла, видел его деяния даже ночью, во время сна; но и днем в нем говорила ревность и возбуждала его душу на такие же подвиги.

VII. ИХ СВЯЗЫВАЛО и родство по крови — Этра была дочерью Питфея, Алкмена — Лисидики, Лисидика же и Питфей были братом и сестрою, детьми Гипподамии и Пелопа. Юноше казалось поэтому постыдным и позорным, что Геракл ходил, отыскивая всюду злодеев,

очищая от них землю и море, между тем как он бежит от представляющегося ему случая показать свою доблесть; думая ехать морем, он позорил бы того, кого другие считали его отцом; он принес бы настоящему отцу знаки своего происхождения — сандалии и меч, — не обогранными кровью, и не доказал бы вскоре подвигами и делами благородства своего происхождения... с такими мыслями, с такими планами он пустился в путь, дав себе слово не обижать никого и наказывать только нападающих.

VIII. ПРЕЖДЕ всего он встретил в области Эпидавра — Перифета, которому оружие заменяла дубина, вследствие чего его называли Дубиноносцем. Он схватил юношу и не давал ему идти вперед; тогда тот вступил с ним в борьбу и убил его. Дубина так понравилась ему, что он взял ее себе вместо оружия; она служила тем же, чем Гераклу львиная шкура. Последний носил ее в доказательство чудовищной величины убитого им зверя, Тесею же, нося дубину, как бы говорил, что он победил ее прежнего владельца, но ее нынешний владелец — непобедим.

На Истме он убил Сгибателя сосен, Синида, таким же образом, каким тот успел лишить жизни многих. Он не старался учиться у него этому способу, но доказал, что доблесть — выше всякого искусства и упражнения. У Синида была громадного роста красавица дочь, Перигуна. Когда отец ее был убит, она убежала. Тесею везде искал ее; но она убежала в густую чащу, поросшую стойбой и дикой спаржей, и вполне искренно, с детской простотой молила их — как будто они могли понимать ее! — спасти ее, спрятать, клятвой обещая никогда не ломать, не жечь их. Тогда Тесею стал знать ее, поклялся взять на свое попечение и не сделать ей никакого вреда — и она вышла. От Тесея она родила Меланиппа. Впоследствии Тесею выдал ее замуж за сына Эврита, эхалийского царя Дейонея. Меланипп, сын Тесея, был отцом Иокса, основавшего вместе с Орнитом колонию в Карию. Вот почему мужчины и женщины рода Иоксидов, чтя обычай

дедов, не жгут ни терна, ни дикой спаржи, ни стойбы, напротив, чтут и берегут их.

IX. КРОММИОНСКИЙ кабан, иначе Фея, был опасным и злым зверем, с которым трудно справиться. Тесей напал на него и убил мимоходом, чтобы не заставить думать, что он делает все по необходимости; кроме того, он считал, что честный человек должен защищаться только от нападений негодяев, на зверей же он обязан нападать первым и вести с ними борьбу не на живот, а на смерть. По рассказам некоторых, Фея была кровожадной и безнравственной разбойницей, жившей в Кроммионе. Кабаном ее прозвали за ее нрав и образ жизни; позже ее убил Тесей.

X. НА ГРАНИЦЕ Мегариды он умертвил Скирона, сбросив его со скалы. По общераспространенному преданию, он грабил прохожих; но некоторые говорят, что он нагло и дерзко протягивал свои ноги и приказывал чужеземцам мыть их, затем, в то время как они их мыли, толкал их ногой и сбрасывал в море. Мегарские историки не соглашаются с этим преданием, «борются», выражаясь словами Симонида, «с вековой стариною», — они говорят, что Скирон не был ни разбойником, ни злодеем, напротив, он уничтожал разбойников и был родственником и другом честных и справедливых людей. Эака греки глубоко уважают за его благочестие; царю саламинскому Кихрею воздают в Афинах почести; высоконравственные качества Пелея и Теламона известны каждому, между тем Скирон приходился Кихрею зятем, Эаку — тестем, Пелею и Теламону — дедом, так как последние были сыновьями Эидеиды, дочери Скирона и Хариклы. Каким же образом мог отъявленный негодяй сделаться родственником прекрасных во всех отношениях людей и меняться с ними тем, что всего выше и дороже? Тесей, говорят они, убил Скирона не тогда, когда в первый раз шел в Афины, а позже, когда отнял у мегарцев Элевсин, обманув начальника гарнизона Дикла. Вот сколько здесь противоречий!

XI. В ЭЛЕВСИНЕ Тесей убил аркадца Керкиона, немного далее он встретил в Герме Дамаста Растягателя, заставив его самого сравняться длиною с его кроватью, как он делал это с другими. В подобного рода случаях Тесей брал пример с Геракла, который наказывал своих врагов так же, как они хотели лишиться жизни его: Бусирида он принес в жертву, Антея победил в борьбе, Кикна одолел в поединке и Термера убил, разбив ему голову. Отсюда, говорят, и происходит поговорка «Термерово горе» — вероятно, Термер убивал попадавших к нему навстречу, ударяя о них своей головою. Так наказывал злодеев и Тесей — каким мучениям подвергали они других, таким же мучениям подвергал он их; делая разного рода несправедливости, они терпели справедливое.

XII. ИДЯ ДАЛЬШЕ, он пришел к Кефису, где его встретили потомки Фитала, первые люди, радушно принявшие его. Он просил их очистить его от убийства, и они исполнили все требуемые законом очистительные обряды, принесли умиловительную жертву и угостили его у себя в доме обедом, между тем как до них никто во всю дорогу не оказал ему радушного приема.

Восьмого числа крония месяца, нынешнего гекагомбеона, он пришел, говорят, к месту назначения. Войдя в город, нашел, что среди граждан царствуют раздоры и несогласия; лично Эгей испытывал у себя дома одни неприятности. Дело в том, что бежавшая из Коринфа Медея обещала Эгею вылечить его своими снадобьями от бездетности и жила с ним. Зная заранее о предстоящем приходе Тесея, она убедила ничего не подозревавшего старого, во всем видевшего угрозу мятежа Эгея отравить гостя за столом. Сев завтракать, Тесей не счел нужным объявить первым, кто он, — он хотел предоставить отцу узнать его. Когда ему подали мясо, он вынул нож, чтобы разрезать его, и показал нож отцу. Едва Эгей узнал его, он бросил кубок с ядом, задал сыну несколько вопросов, обнял его, созвал Народное собрание и представил гражданам, восторженно принявшим его за его

геройство. Говорят, место, где вылился яд из брошенного кубка, находится теперь в храме Аполлона-Дельфиния и обнесено решеткой. Здесь стоял дворец Эгея; изображение Гермеса, на восточной стороне храма, называется «Гермесом у Эгеевых ворот».

XIII. СЫНОВЬЯ Палланта надеялись сначала, что по смерти бездетного Эгея престол перейдет к ним. Но, когда наследником объявлен был Тесей, они сочли себя оскорбленными, так как мало того что сам Эгей был приемным сыном Пандиона и не имел ничего общего с потомством Эрехтея, наследником престола сделался Тесей, также пришелец и иностранец, — и взялись за оружие. Они разделились на два отряда: одни из них двинулись под предводительством отца из Сфетта прямо на столицу, другие спрятались в засаде у Гаргета с целью напасть на противников с двух сторон. С ними был уроженец Агнунта глашатай Лейо. Он открыл Тесею замыслы сыновей Палланта. Тот неожиданно напал на засевших в засаду и истребил их всех. Другие, бывшие с Паллантом, разбежались, когда узнали о случившемся. Вот почему, говорят, палленский дем не роднится с гражданами агнунтского дема; точно так же в первом из них глашатаи не созывают народ обычным криком «Слушай, народ!» — они ненавидят это слово, напоминающее им об измене.

XIV. ЧТОБЫ не сидеть без дела и в то же время снискать любовь народа, Тесей отправился против марафонского быка, причинявшего в то время немало вреда жителям Четырехградия. Он одолел его, провел живьем по городу на виду у всех и, наконец, принес в жертву Аполлону-Дельфинию. Предание о Гекале, радушно принявшей и угостившей Тесея, имеет, вероятно, долю правды, — по крайней мере соседние между собой демы приносят общую жертву Зевсу Гекале, причем чтут Гекалу, называя ее уменьшительным именем, Гекалиной, за то, что она радушно приняла совсем еще юного Тесея, ласкала его по-старушечьи и называла из любви

к нему уменьшительными именами. Когда он шел в бой, она дала обет принести за него жертву, если он вернется живым, но умерла до его возвращения. В награду за ее гостеприимство Тесей, по рассказу историка Филохора, приказал оказывать ей почести, о которых сказано выше.

XV. ВСКОРЕ с Крита в третий раз приехали послы. Мстя за смерть Андрогейя, изменнически, как думали, убитого в Аттике, Минос объявил ей войну и наносил населению огромный вред. Наслали на страну бедствие и боги — настал голод, свирепствовали повальные болезни. Оракул объявил афинянам, чтобы они дали Миносу удовлетворение и заключили с ним мир, причем говорил, что царь перестанет сердиться на них и их бедствиям наступит конец, вследствие чего они отправили к нему посла и заключили мир, с условием посылать каждые девять лет в дань семь мальчиков и столько же девушек, с чем согласно большинство историков. Если верить преданию, любимому трагиками, детей по приезде их на Крит съедал в лабиринте Минотавр или же они бродили там и, не находя выхода, погибали. Еврипид говорит, что Минотавр был:

Пород смешенье двух, чудовищный урод, —

или:

Он вполовину бык и вполовину муж.

XVI. ФИЛОХОР говорит, что критяне не согласны с этим преданием. По их словам, лабиринт был тюрьмой, в которой страшного было только то, что заключенные не могли убежать из нее. Минос устроил в память Андрогейя гимнастические игры, где раздавал в награду победителям детей, содержавшихся до этого в лабиринте. На одних из первых игр одержал победу пользовавшийся тогда огромным влиянием у царя его полководец Тавр, человек суровый и неприветли-

вый, который обращался гордо и жестоко и с афинскими детьми. Даже Аристотель, описывая государственное устройство боттийского округа, очевидно, не верит, чтобы Минос убивал детей, но думает, что они до старости жили на Крите в качестве рабов. Когда однажды критяне, исполняя давно данный ими обет, отправили в Дельфы своих первенцев, в числе посланных, говорят они, находились и потомки афинян. Они не могли достать здесь себе средства к существованию, поэтому отправились сперва в Италию, где и поселились в Апулии. Отсюда они снова переселились — во Фракию и стали называться боттийцами. Вот почему боттийские девушки, принося некоторые жертвы, припевают: «пойдемте в Афины».

Из этого примера видно, как опасно навлечь на себя ненависть города, у которого есть прозаики и поэты. На афинских сценах о Миносе отзываются всегда дурно, бранят его. Напрасно Гесиод называет его «идеалом царей» или Гомер — «советником Зевса», — трагики одержали верх и с театральных подмостков всюду распространили о нем дурную славу как о человеке суровом и грубом. И тот же Минос считается царем-законодателем, а Радамант — судьей и стражем составленных Миносом законов!

XVII. КОГДА настало время в третий раз платить дань, когда отцы семейств, имевшие сыновей, должны были кидать жребий, ненависть граждан против Эгея вспыхнула снова. Они плакали и негодовали, что один он, виновный во всем, остается безнаказанным и, назначив своим наследником незаконнорожденного сына, иностранца, заставляет их сиротеть, лишаться законных сыновей. Тяжело было слушать это Тесею. Он решил, что ему нельзя оставаться безучастным, напротив, он должен делить горе своих сограждан. Он явился и сказал, что готов ехать, не вынимая жребия. Все были удивлены его благородной решимостью и полюбили его за преданность народу. Эгей просил и умолял его не ехать;

но, видя, что он непреклонен и не желает отказываться от своего решения, велел метать жребий другим детям. Гелланик же говорит, что граждане посылали мальчиков или девушек вовсе не по жребию, но что Минос сам приезжал и выбирал их и что, согласно условию договора, он выбрал Тесея предпочтительно перед всеми; что, по договору, афинянам следовало также дать ему корабль, дети должны были сесть с ним на корабль, но не брать с собой оружия и что уплата дани должна была прекратиться со смертью Минотавра!

До сих пор для детей не было никакой надежды на спасение, поэтому афиняне посылали корабль с черными парусами в знак ожидаемого несчастья; но теперь Тесей успел ободрить отца, внушил ему надежду, что он убьет Минотавра, и царь велел дать кормчему и белый парус, приказав ему поднять его на возвратном пути, если Тесей останется жив, или же, в случае несчастья, — плыть с черным. Симонид говорит, что Эгей дал не белый парус, а темно-красный, «выкрашенный соком цветов ветвистого красного дуба», и что это должно было служить знаком спасения. По Симониду, кормчим корабля был сын Амарсия, Ферекл. Филохор же говорит, что Тесей взял от Скира кормчим саламинца Навситоя, помощником кормчего — Феака, так как в то время афиняне мало занимались мореплаванием. Между молодыми людьми мы встречаем и Менеста, племянника Скира. Справедливость этого подтверждается храмами героев Навситоя и Феака, построенными Тесеем в Фалере, возле храма Скира, и установленным в честь их праздником «Кибернесий».

XVIII. КОГДА метание жребия кончилось, Тесей вывел из пританея всех, кому достался жребий, вошел с ними в храм Аполлона-Дельфиния и посвятил за них Аполлону просительную ветвь. То была обвитая белой шерстью ветвь священной маслины. После молитвы он взошел, шестого мунихиона, на корабль — день, в который до сих пор еще девушек посылают молиться в храм. Гово-

рят, дельфийский оракул дал ему совет взять в путеводительницы Афродиту, пригласить ее быть его спутницей, и что, когда он приносил на морском берегу в жертву козу, она внезапно превратилась в козла, отсюда прозвище богини — Козлиная.

ХІХ. ЛИШЬ только он приехал на Крит, в него влюбилась — в чем согласны все прозаики и поэты — Ариадна, дала ему нить и научила его, как ему выбраться из извилистого лабиринта, после чего он убил Минотавра и отплыл с Ариадной и молодыми людьми. Ферекид говорит, что Тесей пробуравил дно критских кораблей, чтобы лишить их возможности гнаться за ними. По рассказу же Демона, он убил полководца Миноса, Тавра, который напал с флотом в гавани на Тесея, когда последний готовился сняться с якоря. По словам историка Филохора, когда Минос устроил игры, для всех было ясно, что победителем останется опять Тавр, вследствие чего его возненавидели, — его влиянием тяготились из-за его характера; кроме того, его подозревали в связи с Пасифаей. Вот почему Минос согласился на просьбу Тесея вступить в состязание с Тавром.

На Крите в числе зрителей игр обычай позволяет находиться и женщинам, вследствие чего на них присутствовала и Ариадна, которая была очарована наружностью Тесея и пришла в восторг, когда он оказался сильнее всех. Минос обрадовался больше всего тому, что побежден был в борьбе и поднят на смех Тавр, поэтому он отдал Тесею молодых людей и освободил его город от дани. Клидем рассказывает об этом подробно, но совершенно иначе, и начинает с более раннего времени. У греков, говорит он, установился обычай, что экипаж каждой триеры должен состоять во время плавания отнюдь не более как из пяти человек; исключение было сделано для одного Ясона, капитана «Арго», преследовавшего пиратов. Когда Дедал бежал на корабле в Афины, Минос, вопреки установившемуся обычаю пустившийся за ним в погоню на своих военных кораблях, был